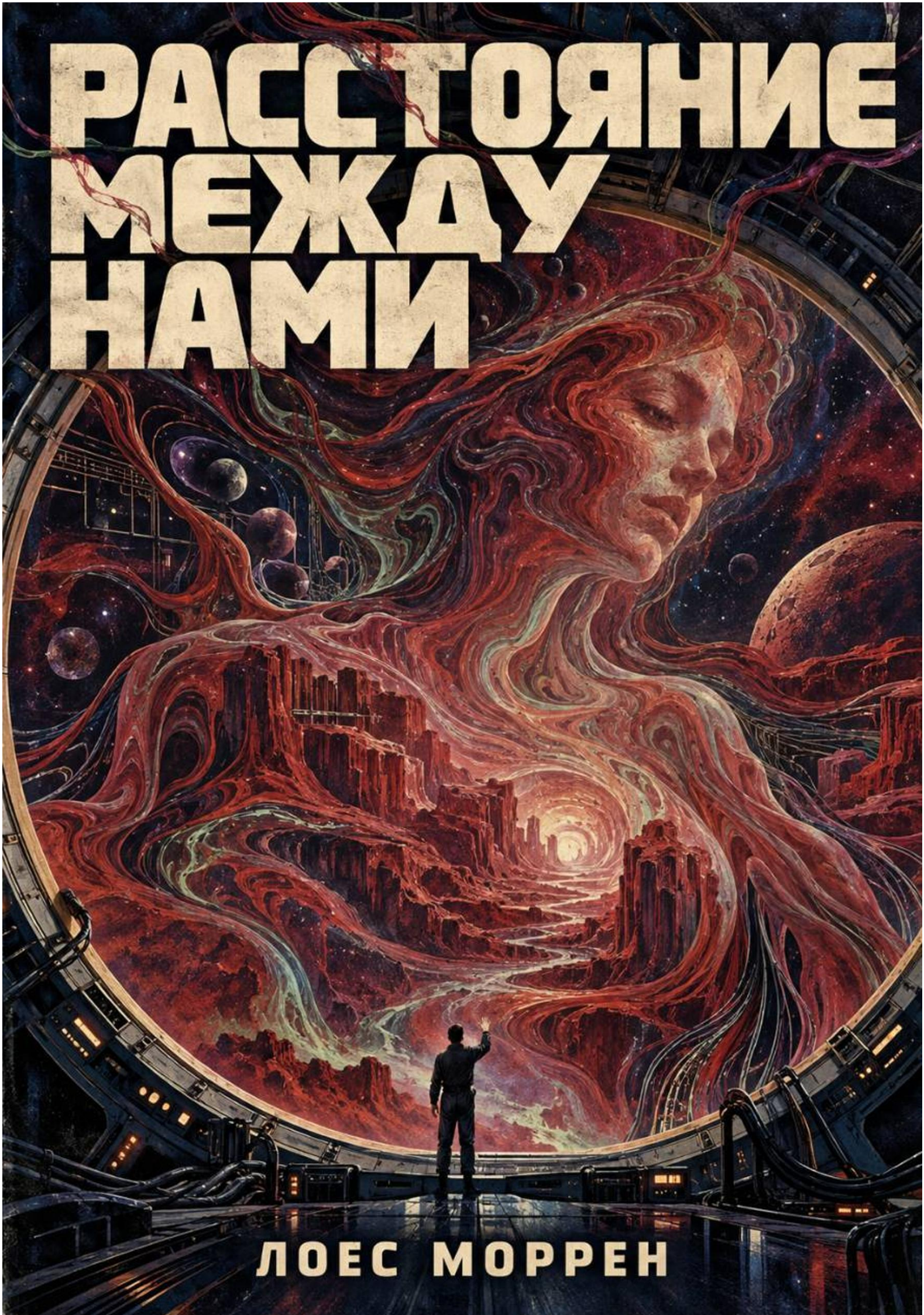
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НАМИ



ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Расстояние между нами

«Автор»
2026

Моррен Л.

Расстояние между нами / Л. Моррен — «Автор», 2026

Итан Картер однажды уже вернулся к жизни. После месяцев депресии за закрытой дверью у него появились работа, друзья и Эмили - девушка, рядом с которой хотелось строить будущее. Но когда программа "Феникс" предложила ему исполнить детскую мечту и отправиться к Марсу, он решил, что их любовь выдержит годы разлуки. Но Эмили не обещала ждать.Теперь Итан - единственный человек на корабле. Впереди развёртывание марсианской базы, рядом, спокойный голос бортового ИИ, а в личной почте, сообщения от всех, кроме той, к кому он обращается в своём дневнике. Он учится справляться с поломками и одиночеством, но всё чаще вспоминает обычные вечера, которыми когда-то готов был пожертвовать ради полёта.Когда корабельный ИИ пытается утешить его, создав голограмму Эмили, Итан на мгновение верит, что она снова рядом. И впервые чувствует всю тяжесть того, что потерял.До Марса можно рассчитать путь, но как вернуться к любимому человеку, если однажды ты решил за него, сколько лет он должен тебя ждать?

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лоес Моррен
Расстояние между нами

Глава 1

Телефон зазвонил в тот момент, когда Итан пытался решить, можно ли считать вчерашний хлеб свежим, если срезать края. На экране появилось незнакомое имя, под ним — уведомление о доставке. Он дождался четвёртого гудка и ответил, словно это небольшое промедление позволяло подготовиться к разговору.

— Мистер Картер, доброе утро, это Бен из доставки. Я возле вашего дома, но дверь в подъезд не открывается. Вы не могли бы спуститься и забрать заказ?

— Попробуйте набрать тридцать семь, иногда кнопка западает. Только не держите её долго, иначе звонок не проходит. Сейчас я нажму открытие ещё раз.

— Я набирал, у вас слышно, а внизу ничего. Здесь мужчина прошёл через двор, я его спросил, но он сказал, что вход только по ключу. У меня ещё две доставки в этом квартале, поэтому я могу немного подождать.

— Тогда подождите, пожалуйста. Я сейчас разберусь с дверью. Минуту, не больше.

Он положил телефон экраном вниз и взял толстовку. Сначала попал рукой не в тот рукав, потом зацепил ногой кроссовок, и тот ударился о ножку стола с неожиданно громким стуком. Итан остановился, прижимая одежду к животу, будто кто-то за дверью мог услышать и понять, что он ещё не вышел.

В коридоре пахло бумажной коробкой от пиццы, которую следовало выбросить три дня назад. Он сунул ноги в кроссовки, не развязывая шнурков, взял ключ и дотронулся до замка. Металл был холодным, ладонь — мокрой, а пульс почему-то чувствовался даже в пальцах.

Телефон снова завибрировал на кухне. Итан сразу пошёл к нему, испытывая облегчение от того, что появился законный повод отойти от двери. Облегчение закончилось, когда он услышал голос Бена.

— Простите, что тороплю, но у меня заканчивается время. Вы уже спускаетесь или мне попробовать другую дверь? Я просто хочу понять, где вас ждать.

— У меня кое-что случилось, я не смогу выйти. Здесь слева от двери есть выступ, под почтовыми ящиками. Оставьте пакет там, пожалуйста, я потом заберу.

— На улице оставить можно, если вы подтвердите в приложении. Только там яйца и молоко, и я не знаю, сколько они будут стоять. Может, соседу позвоните, чтобы он мне открыл?

— Не надо никому звонить, я подтвержу. Вы сделали всё, что могли. Спасибо, Бен, правда.

Он открыл банковское приложение и увидел остаток на счёте. Несколько секунд смотрел на цифры, затем вычел аренду в уме и снова проверил результат на калькуляторе. От повторной проверки денег больше не стало.

Он не стал обещать себе, что спустится. Только надел второй рукав, отодвинул коробку от пиццы и повернул ключ, пока замок не щёлкнул. Дверь открылась на ширину ладони, впуская воздух с лестницы и тихое гудение лифта.

Женщина с пятого этажа поднялась по лестнице с почтовым конвертом в руке. Увидев его, она слегка улыбнулась и остановилась возле перил. Итан не помнил её имени, но хорошо помнил, что однажды не открыл ей, когда она просила помочь с коробкой.

— Доброе утро, я думала, вы уехали. Давно вас не видела, а вчера свет в кухне горел. Вам, кажется, продукты оставили у двери внизу.

— Да, домофон не работает. Я собирался забрать, только сначала решил проверить, не впустили ли курьера. Наверное, придётся спуститься.

— Он не работает со вчерашнего вечера, я уже звонила управляющему. Если вы вниз, придержите мне дверь на обратном пути, я ещё в аптеку схожу. Постараюсь быстро, но эти люди всякий раз говорят, что заказ готов, а потом ищут его десять минут.

Она пошла к лифту, и Итан неожиданно обнаружил, что теперь от него не требуется придумывать способ спуститься. Можно было просто войти следом, смотреть на цифры над дверью и думать о пакете. На первом этаже соседка помахала ему конвертом и вышла во двор, оставив его возле тяжёлой стеклянной двери.

Пакет лежал снаружи, ближе, чем он ожидал. Итан шагнул за порог, поднял его и сразу вернулся внутрь, успев почувствовать прохладный воздух на лице. Он не придержал дверь соседке и вспомнил об этом только в лифте, но пакет с яйцами всё-таки был у него в руках.

На телефоне уже горело напоминание о разговоре с доктором Ридом. Итан написал, что сможет подключиться вовремя, и на этот раз не добавил привычное «если ничего не случится». До встречи оставалось сорок минут, которых хватало, чтобы умыться и убрать со стола хотя бы то, что попадёт в камеру.

— Добрый день, Итан, вы меня слышите нормально? Здесь с утра меняли оборудование, и я уже успел поговорить с одним пациентом совершенно без звука. Он терпеливо кивал, так что я заметил не сразу.

— Слышу, только вы далеко сидите. Или камера дальше стоит, чем обычно. Я сначала подумал, что вы разговариваете с кем-то ещё.

— Сейчас подвинусь, спасибо, что сказали. Как прошла неделя после нашей встречи? Давайте начнём с того, что вы сами считаете важным, а к остальному вернёмся.

— Я сегодня выходил за продуктами. Не в магазин, мне оставили пакет возле подъезда, и я спустился за ним. Мне надо снова учиться делать такие вещи самому, потому что денег осталось меньше чем на месяц, а работа до сих пор не появилась.

— Вы рассматривали работу, о которой говорили в прошлый раз? Насколько я помню, у вас были несколько вариантов с текстами. Что из них выглядит осуществимым сейчас?

— Я смотрел объявления, но везде нужно звонить, встречаться, доказывать, что ты надёжный. А я не уверен, что смогу вовремя встать три дня подряд. Если меня возьмут и через неделю выгонят, будет хуже, чем сейчас.

— Это возможный страх, но пока не произошедшее событие. У нас нет задачи убедить работодателя, что трудностей никогда не будет. Есть задача выбрать следующий шаг и понять, какой поддержки вам для него не хватает.

— Вы предлагаете сначала отправить резюме, а потом уже бояться остального. Я знаю, что вы не так сказали, но у меня получается именно это. Пока резюме лежит у меня на компьютере, никто не может написать, что я им не подхожу.

— И никто не может написать, что подходите. Что сейчас труднее: получить отказ или продолжать ждать, пока закончится последний оплаченный месяц? Не обязательно отвечать сразу, это не вопрос с правильным вариантом.

— В городской газете нужен младший автор. Я видел объявление вчера, они просят прислать два материала и готовы рассмотреть человека без большого опыта. У меня даже есть тексты, только я не понимаю, как объяснить этот перерыв.

— Пока можно объяснить его коротко и честно, без подробностей, которыми вы не хотите делиться. Вы готовы сегодня выбрать материалы и отправить заявку? Именно отправить, а не составить идеальное резюме на всю оставшуюся жизнь.

— Да, наверное, смогу. Только не надо, пожалуйста, говорить, что мы договорились, и потом спрашивать, почему я не сделал. Я начинаю думать об этом как о задании, которое опять провалю.

— Хорошо, давайте иначе. Вы хотите попробовать, и мы посмотрим, что из этого получится. Если не отправите, на следующей встрече разберём, где стало трудно, а не будем устраивать вам разбор полётов.

В конце разговора они уточнили следующую встречу и то, как Итан переносит назначенное ранее лечение. Он ответил подробнее, чем обычно, упомянул сон и признался, что иногда откладывает ужин до глубокой ночи. Рид попросил вернуться к этим наблюдениям на очном приёме, и Итан записал дату на обратной стороне магазинного чека.

Первым он выбрал материал о мастерской, вторым — небольшую заметку о закрытом муниципальном бассейне. В обоих текстах обнаружились ошибки, которых прежде он не замечал, и на исправление третьей запятой ушло почти десять минут. После четвёртой он вспомнил слова Рида и закрыл файл, пока не решил переписать его целиком.

Письмо ушло в четырнадцать сорок семь. Итан успел увидеть, как уведомление об отправке исчезло, и сразу проверил папку исходящих, будто компьютер мог в последний момент передумать. Затем выключил почту и начал готовить яйца, которые утром едва не остались на улице.

Редактор позвонил, когда он мыл сковороду. Итан долго вытирал руки, пропустил первый вызов и уже собирался объявить это достаточной причиной не перезванивать. Телефон зазвонил снова, и он ответил, не успев придумать вторую причину.

— Итан Картер, это Ричард Коллинз из городской газеты. Вы прислали нам резюме и два текста, я их только что прочёл. Вам удобно сейчас поговорить или лучше набрать позже?

— Удобно, да, конечно. Я не ожидал, что вы так быстро ответите. Думал, письма сначала кто-то собирает, а потом уже передаёт редактору.

— Обычно так и бывает, но сегодня этот кто-то в отпуске, поэтому собираю я. В материале о мастерской у вас хороший собеседник, и вы не мешаете ему говорить. В заметке про бассейн хуже с цифрами, однако вы хотя бы спросили у жителей, а не переписали пресс-релиз.

— Цифры мне дали в администрации, я проверял только сумму расходов. Наверное, следовало запросить документ целиком, но я тогда торопился с публикацией. Если нужно, могу восстановить источники.

— Сейчас не нужно, это не расследование вашей старой заметки. Мы ищем человека для городской рубрики, часть работы будет довольно скучной. Заседания, новые тарифы, соревнования школьников, собака, которую жители третий день не могут снять с крыши.

— С крыши обычно снимают кошек. Если собака сама туда забралась, я бы сначала спросил, зачем. Простите, я понимаю, что вы приводите пример.

— Нет, собака была настоящая, и этот вопрос мы ей не задали. Видите, возможно, нам как раз вас не хватало. Вы можете прийти завтра, скажем, к одиннадцати?

— Могу прийти к одиннадцати. Скажите только, вход с главной улицы или со двора. Я давно там не был и не хочу попасть не в ту дверь.

— Со двора, рядом с печатной мастерской, на двери наша вывеска. Поднимайтесь на второй этаж, секретарь покажет мой кабинет. Захватите любой документ для оформления пропуска, всё остальное пока не требуется.

Позже он достал из шкафа рубашку и обнаружил, что один рукав смят так, словно ткань несколько месяцев держала сжатый кулак. Утюг нашёлся на верхней полке, доска — за дверью спальни. Всё необходимое всё ещё находилось в его квартире, просто давно не использовалось.

Утром будильник сработал в восемь тридцать. Итан не выключил его, а сел на кровати и дождался, пока не кончилась мелодия. В квартире было холодно, и желание вернуться под одеяло казалось не страхом, а совершенно разумным решением человека, который плохо спал.

Тем не менее он умывался, брился и ел хлеб стоя, чтобы не устроиться за столом надолго. Часы показывали девять сорок две, когда он надел рубашку, и десять ноль пять, когда застегнул куртку. За это время он трижды сходил в туалет и дважды проверил содержимое сумки.

У входной двери он вспомнил курьера и яйца. Вчера понадобился повод, чтобы спуститься, сегодня повод тоже был: человек в редакции открыл его письмо и назначил встречу. Итан повернул ключ, вышел и не стал ждать лифта, потому что мог снова уйти домой, пока кабина поднималась.

На остановке автобус появился сразу, будто решил не оставлять ему времени передумать. Итан поднялся в салон, приложил карту и услышал короткий отказ терминала. Водитель повернул голову, а женщина за его спиной вздохнула так громко, что он на секунду перестал понимать, где стоит.

— Карта не проходит, попробуйте ещё раз, только уберите её от аппарата. У нас бывает, если долго держать. Если снова не получится, можете наличными.

— Сейчас, простите, я просто не заметил. Она раньше работала, но я давно ей не пользовался. У меня есть другая, одну секунду.

— Не торопитесь так, автобус всё равно стоит на красном. Приложите другую, а потом проходите в салон. Вы мне дверь не загораживаете, так что никто никуда не опоздает.

Со второй карты плата прошла, и до редакции Итан добрался на семнадцать минут раньше. Вывеска над входом оказалась небольшой, под ней стояли два человека с бумажными стаканчиками и обсуждали чей-то заголовок. Итан прошёл мимо, словно ему нужно было в печатную мастерскую, потом повернул за угол и остановился возле стены.

Мужчина со стаканчиком говорил по телефону. По его голосу нельзя было понять, работает ли он в редакции, но Итан уже представил, как тот посмотрит на рубашку, заметит мокрый воротник и спросит, к кому он пришёл. Объяснение было приготовлено со вчерашнего вечера и всё равно не вспоминалось.

Он достал телефон, чтобы проверить время, и увидел, что до встречи осталось четыре минуты. На экране рядом с адресом стояла фотография входа, того самого, перед которым он находился. Итан приблизил снимок двумя пальцами, как будто на нём могла обнаружиться другая дверь.

Когда часы показали одиннадцать, он перешёл улицу. Сначала сказал себе, что оттуда удобнее будет увидеть, свободен ли проход, потом — что нужно немного отдышаться. Через пять минут он уже шёл к автобусной остановке, держа телефон так крепко, что болела ладонь.

Коллинз позвонил в одиннадцать двенадцать. Итан увидел имя, замедлил шаг и пропустил звонок, а затем ещё один, последовавший почти сразу. Никакого сообщения не пришло, и отсутствие сообщения почему-то оказалось хуже, чем возможное раздражение редактора.

Домой он вернулся в половине первого. Сумку поставил возле стула, куртку оставил на себе и долго сидел, глядя на две светлые отметины от ножек утюжной доски. За окном день продолжался без каких-либо признаков того, что он его испортил.

Итан открыл список вызовов и нажал на имя Коллинза. Телефон показывал длительность вчерашнего разговора — шесть минут сорок одна секунда, — и эту маленькую подробность он почему-то воспринял как доказательство, что встречу не выдумал. Потом нажал вызов и поднёс аппарат к уху, пока ещё можно было не слышать ответ.

— Мистер Коллинз, это Итан Картер. Я должен был прийти сегодня к одиннадцати и не пришёл. Вы звонили, я видел вызовы, но не ответил.

— Да, я это заметил. С вами всё в порядке, не случилось ничего серьёзного? Если вы нашли другую работу, можно было просто предупредить.

— Другую работу я не нашёл. Я доехал до редакции, стоял возле входа и не смог заставить себя зайти. Понимаю, как это звучит, но не хочу говорить, что перепутал адрес или опоздал на автобус.

— Простите, мне принесли полосы на согласование. Я не совсем понимаю, что значит «не смог», и не хочу делать вид, что понимаю. У вас это разовая история или завтра я снова буду ждать человека, который не войдёт?

— Я не могу обещать, что завтра мне будет легко. Несколько месяцев у меня были проблемы, я сейчас с ними разбираюсь и получаю помощь. Но работу хочу попробовать, и я звоню, потому что не хочу просто пропасть.

— Хорошо, что вы позвонили, однако у меня небольшая редакция. Когда человек не выходит, его задача не исчезает, её делает кто-то другой. Вы понимаете, почему мне недостаточно услышать, что вы хотите попробовать?

— Понимаю, я сам бы не доверял после такого утра. Я могу прийти ещё раз, и, если вы решите, что не подхожу, не буду спорить. Только мне нужно честно сказать, что я сейчас не могу обещать вам человека, у которого вообще не будет трудностей.

— Мне и не нужен человек вообще без трудностей. Мне нужен тот, кто сообщает о них до того, как мы теряем целое утро. Ваш текст о мастерской мне понравился, и поэтому я готов поговорить ещё раз, но это пока только разговор.

— Спасибо, я понимаю. Вы можете назначить любое время, я подстроюсь. Мне только хотелось бы знать, будет ли кто-то ждать у входа, чтобы я не начал там снова ходить кругами.

— У входа я дежурного ставить не буду. Но можно прийти в половине десятого, когда ещё мало людей, и позвонить мне из двора. Я скажу секретарю, что вас ждём, а если задержитесь или не сможете приехать, вы позвоните до встречи.

— Я позвоню до встречи, если не смогу. Сейчас я записываю: завтра, половина десятого, тот же вход. И, наверное, мне надо извиниться за то, что сегодня вы потратили время.

— Извинение принято, давайте теперь не потратим и завтрашнее. Принесите блокнот, у нас часто заканчиваются те, что лежат в шкафу. И проверьте телефон утром, иногда я меняю время, если город решает устроить нам внеплановую новость.

Когда разговор закончился, Итан не испытал облегчения, на которое рассчитывал. Он получил ещё одно утро, в котором всё могло повториться, и теперь это утро было гораздо ближе. Но редактор больше не ждал его сегодня, а значит, хотя бы одну вещь он всё-таки исправил.

Нужный блокнот нашёлся в ящике вместе с запасными батарейками и старым зарядным устройством. На первых страницах были номера людей, которым он давно не звонил, список покупок и несколько набросков статьи о летнем городском фестивале. Он вырвал только страницу с покупками, а остальные оставил: не хотелось, чтобы всё начиналось с тщательно приготовленной пустоты.

В поисках ручки он сдвинул стопку книг и увидел под ней большой том с выцветшим красным кругом на обложке. Книга называлась «Марс: следующий шаг», угол переплёта был заклеен прозрачной лентой, давно пожелтевшей по краям. Её подарили ему в двенадцать лет, когда он ещё полагал, что к тридцати непременно успеет увидеть другую планету.

Итан открыл том посередине и обнаружил билет в планетарий, который использовал вместо закладки. На обороте детским почерком было выведено его имя, а рядом нарисован корабль с непропорционально большими двигателями. Он вспомнил, как однажды спорил с отцом, что в таком корабле хватит места и для кухни, и для библиотеки.

Теперь от этой уверенности стало неловко, словно он подслушал человека, который ещё не знал самого важного. Итан не стал читать страницу, лежавшую под билетом, и закрыл книгу, оставив её рядом с блокнотом. На столе всё ещё не хватало места, но прятать её обратно под зарядки он не захотел.

Вечером позвонила мать. Итан посмотрел на экран, прикинул, насколько устал, и ответил до того, как привычное ожидание четвёртого гудка успело превратиться в решение не разговаривать. Она сразу спросила, ел ли он, и это почему-то вызвало меньше раздражения, чем обычно.

— Ел, мам, даже два раза. Купил продукты, пожарил яйца, а вечером сделаю бутерброды. Только не спрашивай сейчас, почему именно бутерброды, это всё-таки еда.

— Я ещё ничего не спросила, а ты уже защищаешься. Хотела узнать, не приехать ли в субботу, у меня как раз свободный день. Могу привезти пирог, если ты ещё не окончательно разлюбил мой пирог.

— Пирог я не разлюбил, просто пока не знаю насчёт субботы. У меня завтра встреча по работе, и, если всё получится, может быть, дадут задание на выходные. Я потом скажу, только давай не будем пока обсуждать, как хорошо всё складывается.

— Хорошо, не будем, хотя мне хочется порадоваться. Я могу спросить, что за работа, или это уже будет обсуждение? Обещаю никому не звонить и не сообщать, что тебя немедленно назначили директором.

Он рассказал о газете и о двух отправленных текстах. О сегодняшнем дворе не рассказал, но не сказал и того, что его уже взяли; мать несколько раз переспросила время, словно сама собиралась поставить будильник. Под конец они обсудили протекающий кран у неё на кухне, и этот обычный разговор оказался легче всех приготовленных объяснений.

— Итан, если завтра не получится, всё равно позвони мне. Не нужно ждать, пока появится хорошая новость, чтобы со мной поговорить. Я ведь и сейчас звоню не потому, что ожидаю от тебя отчёт.

— Позвоню, только, наверное, не сразу после встречи. Мне надо будет сначала понять, что вообще произошло. И спасибо, что не говоришь мне просто собраться, я правда пытаюсь.

После разговора он ещё некоторое время держал телефон возле уха, хотя связь уже закончилась. Потом поставил будильник на семь сорок пять и второй на семь пятьдесят, заранее рассердившись на будущий звук. У окна остановился только затем, чтобы отодвинуть занавеску: завтра утром нужно было увидеть погоду, прежде чем выбирать куртку.

Рубашку он не стал гладить заново, лишь аккуратно повесил её на спинку стула. В сумку положил документ, блокнот и две ручки, хотя одна совершенно точно писала. Затем проверил маршрут, пополнил карту для автобуса и закрыл приложение до того, как начал рассчитывать каждую минуту пути.

У двери стояли кроссовки, в которых он сегодня дошёл до редакции. Итан присел, развязал тугие шнурки и расправил язычки, чтобы утром не тратить время на борьбу с обувью. На этом дело было закончено, и придумывать ещё одно, способное отложить сон, он не стал.

Лёжа в темноте, Итан представлял не кабинет редактора, а дверь со двора и маленькую вывеску над ней. Он всё ещё боялся, что снова уйдёт, и не мог придумать обещания, которому поверил бы сам. Поэтому просто вспомнил время встречи и то, где оставил ключ: на полке у входа, рядом с подготовленной сумкой.

Глава 2

У двери редакции Итан остановился за минуту до половины десятого и позвонил Коллинзу. Палец скользнул по экрану, когда он попытался убрать телефон в карман, но он удержал аппарат и дождался ответа. Вчера отсюда хотелось уйти как можно быстрее, сегодня он решил не двигаться, пока не услышит голос редактора.

— Доброе утро, мистер Коллинз, это Итан Картер. Я во дворе, возле входа с вывеской. Вы просили позвонить, когда я приеду, поэтому я ещё не поднимался.

— Доброе утро, всё верно, поднимайтесь на второй этаж. Дверь открыта, а если будет закрыта, нажмите на звонок справа. Мэгги знает, что вы придёте, только не соглашайтесь чинить ей принтер, она спрашивает об этом каждого нового человека.

Коллинз сидел за столом, на котором не было свободного места даже для локтей. Он указал на стул, закрыл один из лежавших перед ним листов и посмотрел на Итана поверх очков. Итан положил сумку на пол, чтобы не держать её на коленях как защиту.

— Рад, что вы добрались, давайте начнём с условий. Нужен автор в городскую рубрику, сначала несколько смен в неделю, дальше посмотрим по нагрузке. Первую пробную смену мы оплачиваем, независимо от того, захотим ли продолжить работу друг с другом.

— Я могу работать три дня в неделю, если расписание будет известно заранее. Сроки сдачи материалов понимаю, но иногда мне понадобится уточнять то, что другому покажется очевидным. Лучше скажу сейчас, чем буду потом делать вид, будто разобрался.

— Уточняйте, только записывайте ответы, у меня плохо с терпением к одному вопросу пять раз. Сегодня нужно разобраться со школьным турниром, в нём победила команда, про которую мы почти не писали. Вот контакты тренера и организатора, а здесь прошлогодняя заметка, чтобы вы понимали объём.

— Мне надо поехать на место или можно сначала поговорить по телефону? Я бы хотел услышать не только тренера, но и кого-нибудь из ребят. В таких текстах часто получается, что взрослые празднуют победу громче самих игроков.

— На месте вам сегодня делать нечего, турнир закончился в воскресенье. Про ребят согласен, но интервью с несовершеннолетними согласуйте через тренера и родителей. И не обещайте никому заголовок, место на первой полосе или фотографию размером с окно.

Коллинз объяснил, как сохранять текст, кому отдавать фотографии и где лежат образцы согласований. Итан несколько раз перебил его, потом всё-таки достал блокнот и записал имена рядом с задачами. Под конец редактор спросил, осталось ли что-нибудь непонятное, и Итан признался, что не знает, где ему сидеть.

— Сейчас покажу, у нас есть стол у дальней стены. Компьютер старый, но в основном не мешает работать, если не спорить с обновлениями. На этом столе раньше сидел человек, который всё печатал двумя пальцами, так что техника видела и худшие времена.

В комнате за кабинетом разговаривали сразу несколько человек, и Итан различал отдельные слова, не понимая ни одной фразы целиком. Коллинз назвал его имя, указал на стол и ушёл отвечать на звонок. Итан кивнул тем, кто посмотрел в его сторону, сел перед тёмным экраном и несколько секунд искал кнопку включения.

Он успел войти в систему, открыть пустой документ и напечатать название команды, когда Мэгги позвала его обратно. Коллинз забыл дать пароль к архиву и попросил забрать лист с расписанием пробных смен. Вернувшись к столу, Итан обнаружил возле клавиатуры кружку, которой прежде там не было.

На кружке был нарисован коротконогий пёс, а к ручке приклеена записка «Добро пожаловать». Итан оглянулся, боясь встретиться глазами со всей комнатой одновременно, но встре-

тился только с девушкой у противоположной стены. Она подняла руку, улыбнулась и показала на кружку, словно подтверждая, что она действительно предназначалась ему.

— Это кофе, если вы кофе пьёте. Я не добавляла сахар, потому что не знаю, сколько вам нужно, но он там, возле чайника. Кружку можете оставить себе на сегодня, пёс никого не кусает.

— Пью, спасибо, просто не ожидал. Я не знал, чья она, и подумал, что занял чужой стол. Здесь, наверное, у всех своё место, а я ещё не разобрался.

— Стол ваш, кружка моя, но я её одолжила добровольно. Меня зовут Эмили Беннетт, я редактирую культурную рубрику и иногда делаю вещи, которые никак с культурой не связаны. Если Ричард попросит составить список аптек, не пытайтесь найти в этом творческое испытание, ему правда нужен список.

Эмили отвернулась к своему телефону, и Итан наконец набрал номер тренера. Мужчина ответил из шумного помещения, попросил перезвонить через десять минут, а при втором звонке сразу начал перечислять заслуги администрации школы. Итан дослушал до первой паузы, посмотрел на написанные заранее вопросы и попросил рассказать о последней игре.

— О самой игре вам лучше с помощником поговорить, я на финал не попал. У младшего сына была температура, пришлось остаться дома, а теперь все спрашивают, что я чувствовал на скамейке. Запишите номер Питера, он был с командой с самого утра.

— Спасибо, я ему позвоню, но вас тоже хочу спросить. Вы готовили ребят весь сезон, и это важнее, чем одна фотография возле кубка. Кто из них удивил вас больше всего и почему?

Тренер перестал перечислять должности и заговорил о вратаре, который ещё осенью боялся бросаться за мячом. Итан начал записывать быстрее, забыл о кружке и несколько раз уточнил детали, не успев заранее приготовить формулировки. Когда разговор закончился, перед ним был материал, с которым уже можно было работать.

Около часа кто-то возле двери спросил, кто идёт обедать. Итан не поднял головы, сделал вид, что поправляет цитату, и услышал, как несколько стульев отодвинулись одновременно. Через минуту Эмили остановилась возле его стола с бумажным пакетом в руке.

— Здесь можно сесть или вы сейчас уйдёте? В маленькой комнате все столы заняты, а обедать возле принтера мне не нравится. Он издаёт такие звуки, будто тоже хочет мой сэндвич.

— Сесть можно, только я пока работаю. Мне надо сделать заметку про школьную команду, и я ещё не поговорил с помощником тренера. Если я буду иногда смотреть в экран, это не потому, что не хочу вас слушать.

— Тогда и вы не считайте мои крошки выражением редакторского мнения. Я могу молчать, хотя получается у меня это хуже, чем кажется поначалу. Вы принесли обед или Ричард уже успел убедить вас, что журналисты питаются исключительно срочными заданиями?

— Я принёс яблоко, оно где-то в сумке. Обычно дома ел, когда вспоминал, и сегодня не подумал, что здесь будет иначе. Но яблоко есть, я точно его положил.

— У меня два сэндвича, потому что утром я плохо оценила собственный аппетит. Один с курицей, другой с сыром, выбирайте, если нет ничего, чего вы не едите. Только не называйте это спасением от голодной смерти, я просто не хочу нести второй обратно.

Итан отказался, затем посмотрел на предложенную половину и всё-таки взял её. Эмили подвинула свободный стул, сняла резинку с волос и сразу снова собрала их, не найдя удобного положения. Сэндвич оказался с горчицей, и Итан впервые за весь день почувствовал что-то помимо напряжения и кофе.

— А вы давно здесь работаете? Простите, это звучит как вопрос из анкеты, я просто пытаюсь понять, кто сколько успел пережить. Ричард говорил про принтер так, будто это отдельный сотрудник.

— Третий год, и принтер пришёл раньше меня. Я надеюсь когда-нибудь пережить его, но пока он побеждает. До газеты работала в книжном магазине, а теперь вечно составляю планы, как вернуться к книгам так, чтобы не стоять весь день за кассой.

— Вам не нравилось работать в магазине? Я всегда думал, что это довольно хорошее место, особенно если можно читать между покупателями. Хотя, наверное, покупатели не очень понимают, что мешают человеку дочитать.

— Читала я в основном накладные, а покупатели искали синюю книгу, которую видели у подруги. Мне нравились разговоры о книжках, но не нравилось, когда нужно было продавать то, чего я сама читать не стала бы. Хочу когда-нибудь сделать читательский клуб, только не тот, где все по очереди доказывают, что умнее автора.

Итан спросил, какие книги она выбрала бы для первой встречи, и Эмили назвала три названия, из которых он знал два. На третьем они задержались, потому что он перепутал автора с писателем, которого она терпеть не могла. Она возмутилась так искренне и громко, что мужчина у окна обернулся и попросил оставить ему хоть немного спокойствия до обеда.

— Это Дэниел, он фотографирует людей, а потом жалуется, что люди разговаривают. Обычно он добрый, но сегодня с утра снимал праздничное открытие ещё не достроенной площадки. Очень сложно искать счастливое лицо, когда у всех грязь по щиколотку.

— Я всё слышу, и у директора было счастливое лицо. Он единственный пришёл в резиновых сапогах, так что, возможно, знал о празднике больше остальных. Итан, если понадобятся фотографии команды, у меня есть, только фамилии потом сверьте, в прошлогодней подписи их перепутали.

Дэниел вернулся к своему экрану, а Эмили смяла пакет и спросила, не мешает ли она слишком долго. Итан сказал, что нет, но звонить помощнику тренера уже действительно пора. Она поднялась, забрала пустую обёртку и оставила ему салфетку, на которой он успел поставить кружку.

К четырём заметка была готова, и Коллинз позвал Итана обсудить правки. В тексте пришлось поменять начало, убрать два торжественных определения и исправить фамилию вратаря, которую тренер произнёс неразборчиво. Редактор сказал, что завтра ждёт его к десяти, и только после этой фразы Итан понял, что сегодняшний день не закончился отказом.

На улице он достал телефон и позвонил матери, пока не успел начать откладывать разговор. Рассказал о задании, оплате и том, что придёт ещё на одну смену, но про Эмили не сказал ни слова. Потом пошёл к автобусу и обнаружил, что думает не о правках Коллинза, а о том, как она произнесла слово «накладные».

Дома он помыл яблоко, которое так и осталось в сумке, и съел его у открытого окна. В памяти возвращались сэндвич, улыбка Эмили и то, как она возмутилась из-за перепутанного автора. Итан проверил, лежит ли в холодильнике что-нибудь для завтрашнего обеда, и впервые не воспринял это как ещё одно неприятное обязательство.

Утром он купил шоколадку в маленьком магазине возле остановки. Сначала взял большую, потом заменил её обычной, решив, что большая будет выглядеть как событие, к которому он не готов. На обёртке оказались орехи, и уже в автобусе он начал гадать, нет ли у Эмили аллергии.

Она была в редакции раньше него и разговаривала по телефону, одновременно надевая куртку. Коллинз отправлял её уточнить программу городского книжного фестиваля, потому что присланный список участников не совпадал с тем, что организаторы разместили на сайте. Увидев Итана, Эмили кивнула и указала на вымытую кружку возле чайника.

Когда она ушла, Итан подошёл к её столу и положил шоколад рядом с клавиатурой. На листке написал «Спасибо за обед», перечитал и решил больше ничего не добавлять. Возвращаясь к своему месту, заметил возле монитора две книги, одну из которых когда-то читал так внимательно, что помнил даже неприятный для себя финал.

Эмили вернулась незадолго до полудня, стянула шарф и посмотрела на обёртку. Итан увидел, как она прочитала записку, и немедленно уставился в экран, где у него оставалась открыта таблица городских мероприятий. Через несколько секунд возле стола появился знакомый голос.

— Это от вас, я правильно поняла? У нас вечно кто-нибудь приносит еду, но записки обычно пишет только Мэгги, когда запрещает её трогать. Спасибо, я как раз пропустила завтрак, потому что поверила расписанию автобуса.

— От меня, только я уже после покупки заметил, что там орехи. Если вы их не едите, можно отдать кому-нибудь, я не обижусь. Не хотел покупать что-то странное, а потом понял, что вообще не знаю, какой шоколад вам нравится.

— Этот нравится, можете перестать смотреть на него как на ошибку. И спасибо за записку, я её сохраню, редко кто благодарит меня письменно за сэндвич. Вы, кажется, хотели спросить что-то ещё, или я мешаю вам думать над таблицей?

— Я увидел у вас книгу Хейла про экспедицию, когда оставлял шоколад. У меня она была давно, только я так и не решил, хороший там конец или автору надоело писать. Вы её сейчас читаете или уже закончили?

— Закончила вчера, теперь хочется с кем-нибудь обсудить. Я думала, мне больше всего понравится капитан, а оказалось, что всё время жду разговоров его помощницы с инженером. Они там хотя бы спорят по делу, а не выступают перед экипажем с речами о судьбе человечества.

Эмили улыбнулась и потянулась к книге, но у её стола зазвонил телефон. Коллинз позвал Дэниела разбирать фотографии, и через минуту вся комната снова работала, будто разговоров за обедом не было. Эмили пообещала вернуться к Хейлу позже, и весь остаток смены Итан ловил себя на попытках придумать для этого конкретное «когда».

Следующие несколько дней у него были два выхода в редакцию и одна согласованная смена из дома. Он разобрался с архивом, испортил заголовок до такой степени, что Коллинз вернул первоначальный, и познакомился с Дэниелом уже без посредничества Эмили. В четверг фотограф предложил пойти обедать вместе, и Итан впервые не стал заранее объяснять, почему у него может не получиться.

В пятницу, когда Эмили убирала со стола чашку, он спросил о магазине на соседней улице. Знал, что она наверняка назовёт его, и всё равно приготовил два других варианта на случай, если магазин недавно закрылся. Эмили поправила ремень сумки и посмотрела на него с живым интересом.

— Он работает, я там была во вторник. Вчера привезли новую фантастику, но я не успела посмотреть, потому что разговаривала с продавцом про фестиваль. Вы ищете что-то конкретное или просто хотите зайти?

— Просто зайти, я давно не смотрел новинки вживую. Мы с вами начали спорить про Хейла, и мне стало интересно, что вы скажете о других книжках. Если вы сегодня никуда не торопитесь, можно после работы сходить вместе.

— Сегодня не получится, мне нужно забрать посылку до закрытия, а я опять отложила до последнего дня. Завтра я свободна после двух, если вас устраивает суббота. Только предупреждаю, я не умею быстро смотреть книги, даже когда собираюсь ничего не покупать.

Он успел приготовиться к отказу и поэтому не сразу понял, что услышал предложение другого времени. Эмили назвала половину третьего и попросила записать её номер, чтобы не искать друг друга среди полок. Итан сохранил контакт под полным именем, хотя ничего официального в их завтрашней встрече не было.

В субботу Итан ждал в книжном магазине, когда Эмили вошла с девятиминутным опозданием, расстёгнутым пальто и сумкой под локтем. Она оглядела зал, увидела его и подняла

ладонь почти так же, как в редакции возле кружки. Он успел почувствовать раздражение от ожидания и сразу смутился, будто она могла прочитать это по его лицу.

— Простите, я написала, но сообщение почему-то осталось без отправки. Сначала никак не могла выйти из дома, потом решила наверстать пешком и пошла слишком быстро. Если я сейчас сниму пальто, не думайте, что у них тут жара, это всё моя организация времени.

— Ничего, я успел посмотреть новые поступления. Правда, половину авторов вижу первый раз и не понимаю, как среди них выбирать. На задней стороне у всех обещают книгу, которую невозможно забыть, а я иногда забываю название, пока дохожу до кассы.

— А эту вы читали, про корабль, который не должен был возвращаться? Я начинала здесь, в магазине, но тогда отвлеклась и не купила. Сейчас смотрю на обложку и не понимаю, правда ли там был интересный герой или мне просто понравилось начало.

— Читал, у меня дома есть, только перевод другой. Первые главы лучше последних, но там хорошо придуманы разговоры экипажа, они не звучат как объяснение устройства корабля. Если хотите, я могу принести вам свой экземпляр в понедельник.

Эмили попросила принести книгу в понедельник, потом они перешли к столу с новинками, где лежал ещё один роман Хейла. Она сказала, что автор снова вывел на обложку одинокого человека, хотя в таких историях её больше интересуют те, кого он оставил дома. Итан возразил, что можно путешествовать одному и всё равно оставаться кому-то близким.

— Конечно, может, я же не запрещаю людям путешествовать. Мне просто интересно, что он делает с теми, кому пообещал быть рядом. Если обещаний нет, вопросов у меня гораздо меньше.

— А если дома он всё время думает о том, куда хотел попасть. Получается, он сидит возле родных, но они всё равно чувствуют, что его там нет. Иногда уехать честнее, чем каждый день делать вид, что тебе больше ничего не нужно.

— Тогда хорошо бы сказать об этом до того, как все подстроили жизнь под твоё присутствие. И вы правы, сидеть рядом из обязанности тоже может быть ужасно. Просто я люблю, когда в книге человек хотя бы пытается поговорить, а не исчезает посреди главы, потому что так красивее.

— Мне, наверное, важнее, что он увидит дальше. Не обязательно ради красот, иногда интересно, каким он станет, когда вокруг совсем другая жизнь. Я в детстве в таких книжках больше всего любил страницы с картами.

— А я страницы, где они наконец начинали обсуждать, кто моет посуду после великого открытия. Видимо, поэтому из меня не получилось бы хорошего капитана. Я бы выяснила, что у всей команды немытые чашки, и отложила экспедицию до вечера.

Он рассмеялся, а Эмили сделала вид, что серьёзно обдумывает такой приказ. Позже они стали выбирать книгу, которую оба ещё не читали, и договорились не заглядывать в конец, чтобы заранее не испортить спор. Итану нравилось, что их разногласие не мешало стоять рядом у одной полки.

После кассы они зашли в кафе за углом, и Эмили попросила добавить в кофе кардамон. Бариста сказал, что его нет, она без трагедии выбрала обычный капучино, а Итан почему-то ожидал, что ей непременно понадобится именно тот вкус. Они допили кофе, обсуждая фестиваль, и он обнаружил, что за всё это время ни разу не проверил телефон.

До остановки можно было пройти короткой улицей, но Эмили предложила свернуть к небольшому скверу. Там оказалось шумнее, чем он ожидал: дети катались на самокатах, а возле входа кто-то спорил с владельцем собаки. Итан начал отвечать короче и смотреть под ноги, стараясь не показать, что прогулка вдруг стала трудной.

— Вы устали или я слишком много разговаривала? Можно пойти к остановке напрямую, я не собиралась назначать вам обязательный маршрут. И не нужно подбирать красивую причину, если вам просто хочется домой.

— Немного устал, только не от разговора. Здесь людей больше, чем я думал, а я давно не гулял в выходной. Не хотелось, чтобы вы решили, будто мне скучно и я пытаюсь закончить встречу.

— Тогда выйдем на другую улицу, там спокойнее. Можем вообще несколько минут помолчать, у меня после книжного тоже иногда всё в голове перемешивается. Если я молчу, это не значит, что обиделась, просто не каждый кусок дороги нужно заполнять.

На другой улице действительно было тише. Итан постепенно перестал прислушиваться к шагам за спиной и заметил, что Эмили идёт чуть медленнее него, потому что ей неудобно держать пакет с книгами. Он предложил понести его, она отдала пакет без спора и продолжила рассказ о своём неудачном читательском клубе в магазине.

Возле остановки подошёл его автобус, и Итан увидел свободное место у окна. Можно было попрощаться, сесть и уже через полчаса вернуться к привычной тишине квартиры. Вместо этого он повернулся к Эмили, пока двери ещё оставались открыты.

— Я могу пройти с вами ещё немного, если хотите. Следующий автобус будет минут через десять, так что ничего страшного. Вы говорили про человека, который приходил в клуб и ни разу не прочитал книгу, мне интересно, чем это закончилось.

— Тем, что он предложил вести встречи вместо меня. Ему казалось, раз он не отвлекается на текст, он лучше видит общую картину. Пойдёмте ещё квартал, я как раз возле следующего перекрёстка поворачиваю домой.

У перекрёстка она забрала пакет, проверила, не осталось ли в нём его книги, и напомнила про понедельник. Итан сказал, что принесёт обещанный роман, а затем чуть не добавил, что может зайти домой за ним прямо сейчас. Вовремя остановился, потому что продолжать сегодняшний день любой ценой уже не требовалось.

Эмили поправила ремень сумки и пошла через дорогу. Итан дождался зелёного света для себя, хотя мог уже повернуть к остановке. Хотел ещё раз помахать, но она оглянулась первой, и он поднял свободную руку, не успев подумать, как это выглядит.

Дома он поставил купленную книгу рядом с томом о Марсе и нашёл роман, который обещал принести Эмили. Между страницами лежала старая закладка, и он оставил её на месте, только вытер пыль с верхнего края переплёта. Потом открыл холодильник и начал готовить ужин, вспоминая её капитана с немытыми чашками.

Он несколько раз доставал телефон, прежде чем решился написать. Первое сообщение было слишком официальным, во втором он предложил сразу три дня, а третье удалил, потому что оно начиналось с ненужного извинения. В конце оставил вопрос, хочет ли она в следующую субботу сходить в магазин возле вокзала, и добавил, что ему хотелось бы увидеть её снова.

Сообщение ушло, а Итан положил телефон возле тарелки экраном вверх. Он всё ещё ждал ответа, но сегодня ожидание не требовало заранее придумывать, что плохого о нём подумают. На плите закипала вода, завтра оставался целый свободный день, а в понедельник ему было кому принести книгу.

Глава 3

В понедельник Итан принёс Эмили обещанную книгу и положил её возле кружки с нарисованным псом. Она поблагодарила, спросила, не будет ли ему жалко загнутых страниц, и впервые назвала его на «ты». Потом сказала, что согласна на следующую прогулку, только пусть там не продают ещё одну историю про молчаливого капитана.

Эмили оставила книгу у себя и вернулась к экрану, а Дэниел подошёл попросить Итана помочь с подписями к фотографиям. Две папки назывались почти одинаково, и теперь редактор ждал снимки, которых фотограф не мог найти. Они полчаса разбирали файлы, а закончили разговором о том, почему Дэниел с инженерным образованием работает в городской газете.

— Потому что умею фотографировать и не умею долго сидеть в лаборатории. Это довольно плохое объяснение для родителей, зато для меня достаточное. А ты почему пишешь, если некоторые собеседники так стараются ничего не сказать?

— Наверное, из-за тех, кто всё-таки говорит. Сегодня мужчина рассказывал про ремонт лифта, а потом вдруг вспомнил, как сам когда-то устанавливал такие кабины. До этого казалось, что мы разговариваем только о сломанной кнопке.

— Значит, можешь написать что-то кроме жалобы, уже хорошо. В четверг пойдём после работы в кафе, Эмили тоже будет, а ты не исчезай сразу после сдачи текста. И не переживай насчёт компании, нас там обычно меньше, чем официант рассчитывает заработать.

За следующие недели Итан успел один раз отказаться от кафе и дважды прийти. Отказ отправил заранее, не придумывая простуду, а на встрече с Томасом Ридом рассказал, что ему по-прежнему легче согласиться, чем дождаться назначенного вечера. Когда Коллинз поручил ему большой материал о закрытии автобусного маршрута, он начал с разговоров на остановке, где ещё недавно боялся задерживаться.

В день публикации в редакцию позвонила пожилая женщина, попросившая передать благодарность автору. Итан выслушал её, не успел подобрать ответ и сказал, что просто записал то, что услышал. Она возразила, что слушали их многие, а записал почему-то только он.

— Видишь, не обязательно ехать на другой конец света, чтобы сделать хорошую работу. Иногда достаточно остаться возле остановки на десять минут дольше остальных. Ричард обычно не говорит комплиментов, но сегодня дважды назвал тебя по имени вместо «наш новый».

Эмили говорила это возле чайника, где Итан уже без стеснения наливал себе воду. Он хотел ответить, что статья получилась благодаря редакторским правкам, но заметил, как она приготовилась возражать, и остановился. Вместо этого спросил, не хочет ли она в субботу пойти в кино после книжного магазина.

Через месяц после их первой прогулки они сидели в пустеющем кинозале и спорили, стоило ли герою возвращаться за оставленным чемоданом. Эмили говорила, что в чемодане были чужие вещи, а Итан утверждал, что можно было сначала позвонить. На улице она взяла его под руку, и весь приготовленный разговор о финале сразу перестал казаться важным.

— Ты опять думаешь, как правильно ответить. Можно просто идти, я не жду решения по поводу чемодана. Мне понравилось, что ты позвал меня, даже если фильм оказался хуже трейлера.

— Мне тоже понравилось, только я не совсем про фильм. Я хотел взять тебя за руку и не понимал, не будет ли это слишком рано. Теперь, кажется, можно перестать выяснять, как это сделать.

Они остановились возле перехода, и Эмили не убрала руку, когда он повернулся к ней. Первый поцелуй получился коротким, потому что рядом кто-то громко попросил не стоять

посреди тротуара. Потом оба рассмеялись, отошли к стене дома и поцеловались ещё раз, уже не пытаясь разговаривать одновременно.

К началу лета у Итана было постоянное расписание в газете и несколько людей, которым можно было позвонить без заранее придуманного повода. Эмили иногда оставалась у него до позднего вечера, а он знал, в какой день её нужно встречать после занятий по подготовке литературного проекта. В один такой вечер она вышла из здания раньше обычного и сразу спросила, есть ли у него дома что-нибудь, что можно разогреть.

— Есть суп, только я не уверен, что он достоин гостя. Могу купить что-нибудь по дороге, здесь ещё открыта пекарня. Ты сегодня закончила раньше или я неправильно записал время?

— Правильно записал, просто встреча вышла короткой. Мне отказали в финансировании, и после этого все очень вежливо объясняли, почему проект всё равно замечательный. Я поняла, что сейчас начну спорить, и ушла, пока не сказала лишнего.

Он принёс суп, поставил рядом хлеб и не стал спрашивать, как она себя чувствует. Эмили села за кухонный стол, положила телефон экраном вниз, потом перевернула обратно. В письме с решением комиссии было несколько абзацев, которые она уже почти знала наизусть.

— Они пишут, что не понимают, кому это нужно. Три месяца я составляла программу, договаривалась с магазином, искала ведущих, а теперь мне предлагают уточнить аудиторию. Я не могу написать, что аудитория состоит из людей, которым хочется нормально разговаривать о книгах, им нужны проценты и графики.

— Можно сначала посмотреть, что именно они просят. Я не говорю, что они правы, просто, может быть, есть пункт, на который можно ответить. Дашь мне прочитать письмо, если не хочется снова объяснять его вслух?

— Дам, только не начинай сразу говорить, что всё поправимо. Я сегодня уже услышала это от четырёх человек, которые потом ушли заниматься своими одобренными проектами. Иногда мне хочется просто сердиться, а не немедленно становиться лучше.

— Можешь сердиться, я суп от этого не отберу. Если захочешь поговорить, послушаю, а письмо пока оставь здесь. Мне тоже не нравится, когда за меня заранее решают, как быстро я должен справиться.

В воскресенье они вернулись к заявке и почти сразу поссорились из-за первого абзаца. Итан вычеркнул обещание изменить читательские привычки города, а Эмили решила, что он сам не верит в проект. Он отодвинул ноутбук и спросил, можно ли объяснить правку до того, как они перестанут разговаривать.

— Я верю, что ты можешь сделать хороший клуб. Не верю, что комиссия примет обещание изменить весь город, когда у нас пока даже нет комнаты на двадцать человек. Если написать конкретнее, это не сделает твою идею меньше, зато им будет понятно, что именно они оплачивают.

— Наверное, я просто хочу, чтобы хоть кто-нибудь признал, сколько времени я уже потратила. Они смотрят на три страницы, а я вижу там все вечера, когда не отвечала на звонки и сидела над сметой. И теперь каждое зачёркнутое предложение кажется ещё одним отказом.

— Тогда давай не вычёркивать навсегда, сохраним второй файл. Посмотрим, что надо для первой встречи, а большую программу оставим на потом. И, если я начну командовать, скажи прямо, я тоже умею увлечься чужой задачей так, будто это моя.

К вечеру у них было два варианта заявки и договорённость созвониться с библиотекарем. Эмили закрыла ноутбук, придвинулась к Итану на диване и сказала, что вчера хотела всё бросить. Он не ответил, что знал, как её переубедить, потому что ничего такого не знал и просто был рад, что она осталась.

Первую встречу клуба провели в библиотеке в конце августа, без отдельного финансирования большой программы. Пришли одиннадцать человек, двое ушли до обсуждения, зато

остальные попросили назвать следующую дату. После уборки Эмили считала стулья, а Итан собирал со столов забытые листки с цитатами.

В тот вечер она впервые осталась у Итана до утра. Они долго разговаривали на кухне, потом забыли убрать чашки, и ночью он проснулся от того, что Эмили во сне потянула одеяло на себя. Вместо раздражения подумал, что утром ему нужно будет приготовить завтрак на двоих, и снова уснул.

Завтрак он задумал слишком сложный для человека, который ещё недавно обходился яблоком и хлебом. Пока смешивал тесто, пытался одновременно сварить кофе, найти большую тарелку и не разбудить Эмили. Она появилась на кухне в его старой футболке именно тогда, когда первый блин прилип к сковороде целиком.

— Я хотела спросить, нужна ли помощь, но, кажется, ты уже воюешь. Можно я выключу вторую конфорку, у тебя молоко поднимается. И лучше открой окно, иначе соседи решат, что мы с утра ремонтируем двигатель.

— Я всё видел, просто не успел добраться. Хотел, чтобы ты проснулась, а здесь уже был нормальный завтрак, не только хлеб. Теперь получается, что ты спасла молоко, а я сделал дым.

— Хлеб меня вполне устраивает, особенно если его можно есть без риска. Давай я порежу сыр, а ты перестанешь доказывать блинам, кто в доме главный. Ты же не собираешься испортить себе утро только потому, что они не знают о твоём плане.

— Не собираюсь, но мне неприятно, когда за меня всё доделывают. Я понимаю, что ты просто помогла, и всё равно начинаю злиться. Наверное, тебе сейчас кажется, что я спорю из-за молока, хотя молоко тут вообще ни при чём.

Она положила нож рядом с сыром и посмотрела на него уже без улыбки. Итан сразу захотел объяснить, что недоспал, перегрелся или неправильно понял её тон. Вместо этого убавил огонь и признался, что иногда помощь слышится ему как подтверждение того, что сам он опять не справился.

— А мне неприятно стоять рядом с кастрюлей и ждать, пока она убежит, чтобы не задеть тебя. Я не хочу всё делать вместо тебя, но и изображать гостя, который не может тронуть выключатель, тоже не хочу. Можно мне иногда просто помогать, без разговора о том, насколько ты несамостоятельный?

— Можно, я не имел права так на тебя огрызаться. Ты спасла завтрак, а не сообщила мне, что я ни на что не способен. Давай я уберу сковороду, потом сделаем тосты, и, если ты ещё хочешь кофе, попробую без представления.

За столом Эмили спросила, случается ли с ним такое только дома. Итан рассказал, что получает помощь уже несколько месяцев и до работы в газете долго почти не выходил из квартиры. Не стал объяснять весь прошлый год сразу, но назвал вещи своими именами и не превратил рассказ в просьбу пообещать, что она никогда не уйдёт.

— Ты мог сказать раньше, я бы не стала думать о тебе хуже. Хотя понимаю, что, когда человек произносит такую фразу, поверить ему трудно. Мне только важно знать, могу ли я спрашивать, что происходит, а не каждый раз гадать, не сделала ли я что-нибудь не так.

— Спрашивать можешь, а я постараюсь отвечать. Не всегда сразу получится объяснить, но я могу хотя бы сказать, что дело не в тебе. И не хочу, чтобы ты решила, будто теперь должна следить за каждым моим плохим утром.

Она кивнула, отодвинула от него тарелку с остывшим неудачным блином и попросила передать хлеб. Через несколько минут они спорили уже о том, можно ли назвать этот блин экспериментальным блюдом и брать за него деньги. Когда Итан засмеялся, Эмили коснулась его колена под столом, не проверяя, стало ли ему окончательно хорошо.

Через неделю она принесла ему блокнот в мягкой тёмной обложке. Итан решил, что забыл вернуть какой-то из её рабочих блокнотов, и начал искать свой на столе. Эмили остановила его, открыла чистую первую страницу и положила подарок возле чашки.

— Этот новый, можешь ничего не возвращать. Ты всё говоришь, что когда-нибудь напишешь не только заметку на две тысячи знаков, но я ни разу не видела, куда ты складываешь свои идеи. Пусть будет место, где не требуется сразу сдавать текст Ричарду.

Он написал на внутренней стороне обложки своё имя и дату, потом хотел добавить благодарность Эмили. Не смог придумать ничего, что не звучало бы как надпись на сувенире, и вместо этого обнял её. Она уткнулась лицом ему в плечо и сказала, что писать благодарность тоже необязательно.

Объявление о «Фениксе» Итан увидел в тот вечер, когда остался дома один. Эмили проводила вторую встречу клуба, Дэниел уехал снимать соревнования в соседний город, а Коллинз попросил до понедельника придумать материал о новых профессиях. Итан открывал сайты образовательных программ, пока среди обычных предложений не появилась фотография корабля над красной планетой.

Под ней предлагали подать заявку на предварительный отбор в международную программу автономного полёта к Марсу. Единственный оператор должен был с орбиты руководить развёртыванием базы для последующей экспедиции, а затем вернуться на Землю. Итан прочитал текст целиком, вернулся к началу и сначала решил, что это реклама фантастической игры.

Внизу были сроки подачи, перечень этапов отбора и подробное объяснение подготовки. Профессиональная принадлежность не ограничивала заявку, но приглашение ещё не давало места в экипаже, а медицинские и психологические проверки были обязательными. Он открыл описание миссии и увидел, что отсутствие продлится несколько лет, независимо от того, сколько времени оператор проведёт в криосне.

Дэниел ответил на звонок из гостиничного номера и сначала попросил говорить громче. Итан сказал, что нашёл объявление о наборе для полёта на Марс, и услышал знакомый смешок. Затем фотограф замолчал, пока открывал присланную ссылку.

— Это настоящая программа, я про неё читал. Они собирались сначала проверять систему на беспилотной миссии, потом объявить открытый отбор, но я не знал, что уже объявили. Ты хочешь написать материал или в самом деле отправить анкету?

— Пока не знаю, у них форма открыта почти для всех. Если спросить, кто я такой для этого, ответ получится довольно короткий. Но я ведь могу заполнить, хуже от нескольких ответов ничего не станет.

— От ответов не станет, только сначала прочитай, на что соглашаешься. Я тоже посмотрю, мне интересно, какие у них требования к подготовке. Если нас потом пригласят мыть корабль перед стартом, хотя бы будет история для редакции.

После звонка Итан открыл анкету и остановился на строке, где нужно было объяснить мотив участия. Он написал, что хочет участвовать в создании места, куда однажды смогут приехать другие, и перечитал фразу, проверяя, не выдаёт ли желаемое за настоящее. В вопросах о навыках перечислил работу с информацией и интервью, не добавляя выдуманного опыта обращения с техникой. В медицинском разделе указал лечение и согласился предоставить сведения специалистам, понимая, что это может закончить отбор ещё до разговора.

Перед отправкой он ещё раз посмотрел на календарь миссии, где время отсутствия измерялось годами, и всё-таки нажал кнопку. Подтверждение пришло сразу: оно сообщало только о приёме заявки и предупреждало, что оценка займёт несколько месяцев. Итан сохранил письмо в отдельной папке, затем снова прочитал мотив участия, будто хотел убедиться, что написать такие слова ему позволили.

Эмили позвонила позже, уже по дороге домой. Рассказала о встрече, спросила, нашёл ли он тему, и засмеялась, когда услышала слово «Марс». Итан почувствовал, как охотно сам поддерживает этот лёгкий тон.

— Подожди, ты написал статью о программе или отправил им себя? Это ведь немного разные варианты, хотя оба можно потом пересказать за кофе. Я сейчас представляю, как Ричард спрашивает, когда ты вернёшься с интервью, а ты называешь следующий год.

— Отправил предварительную анкету, они пока просто собирают кандидатов. Не думаю, что им очень нужен журналист, который учился технике по инструкциям от чайника. Но Дэниел тоже заинтересовался, может, хотя бы узнаем, как устроен такой отбор.

— Ты говоришь так, будто сделал это только ради любопытства. Я знаю, что ты любишь космос, но не знаю, насколько серьёзно относишься к этой возможности. Если вдруг позовут, ты действительно поедешь на обследования?

— Наверное, поеду, хотя до этого ещё далеко. Они сами пишут, что большая часть заявок не пройдёт дальше первого этапа. Сейчас это скорее возможность спросить, чем решение куда-то улететь.

— Тогда расскажи потом, если ответят. Мне интересно, что им нужно от человека, который несколько лет будет разговаривать в основном с кораблём. А сейчас я хочу домой, у меня в сумке остался сыр, и я уже боюсь открывать её в автобусе.

Он предложил встретить её у остановки, но Эмили сказала, что устала и хочет лечь пораньше. Итан не стал уговаривать, пожелал спокойной ночи и вернулся к открытому письму. Ему нравилось, что она знала об анкете, хотя главного — как трудно ему оказалось закрыть страницу с кораблём — он так и не сказал.

К весне у Эмили появилась своя чашка на его кухне, а у него — запасная рубашка в её шкафу. Клуб проводил новые встречи, газета публиковала его материалы, и Дэниел звал Итана на съёмки, когда требовался собеседник, умеющий слушать. Иногда он просыпался с прежней тяжестью и отменял планы, но теперь говорил об этом, продолжал встречи с Ридом и не исчезал на несколько дней без объяснения.

Одним весенним вечером они пошли на выставку и задержались возле картины, о которой не смогли договориться. Эмили сказала, что любит его, уже в гардеробе, пока они ждали пальто. Итан ответил сразу, а потом всю дорогу удивлялся, что самые важные слова произнёс без подготовки.

Спустя полтора года после первого рабочего дня они заговорили о квартире из-за её ключей, опять оказавшихся у него в кармане. Эмили позвонила с лестницы своего дома и попросила приехать, пока сосед не решил, что она потеряла право здесь жить. Через полчаса они сидели в её кухне, и Итан положил связку между двумя чашками.

— Нам надо перестать перекладывать всё туда-сюда. Сегодня ключи, вчера зарядка, на прошлой неделе я привезла тебе продукты, а ты ушёл ночевать ко мне. Иногда кажется, что мы ведём хозяйство сразу в четырёх квартирах, хотя у нас только две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.